

В. Г. Белинский

**Стихотворения Владимира
Бенедиктова. СПб.,
1842**

Виссарион Григорьевич Белинский

Стихотворения Владимира Бенедиктова. СПб., 1842

«...Вообще, должно заметить, что поэты, подобные Марлинскому и г. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетического развития общества, Эстетическое чувство развивается чрез сравнение и требует образцов даже уклонения искусства от настоящего пути, образцов ложного вкуса и, разумеется, образцов отличных. Поэты, которым суждено выразить эту сторону искусства, тщетно стали бы пытаться отличиться в другой какой-нибудь стороне искусства; особенно для них недостижима целомудренная и возвышенная простота...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Стихотворения Владимира
Бенедиктова. СПб., 1842**

*СТИХОТВОРЕНИЯ ВЛАДИМИРА БЕНЕ-
ДИКТОВА. Первая книга. СПб. 1842. В 8-
ю д. л. 128 стр. (Цена 2 р. сер., весов. за
фунт).*

Это *второе* издание *первой* части стихотворений г. Бенедиктова. Первое появилось в 1835 году; в 1838 году г. Бенедиктов издал вторую часть своих стихотворений, и так как первая тогда же разошлась, а вторая и до сих пор не разошлась, то г. Бенедиктов издал теперь первую часть вновь, приноврив формат, печать, бумагу и обертку к формату, бумаге и обертке второй части.

О достоинстве и значении поэзии г. Бенедиктова спор уже кончен;[1] самые почитатели его согласятся, что он то же самое в стихах, что Марлинский в прозе. Подражать тому и другому невозможно: оба они, и г. Бенедиктов и Марлинский, оригинальны и самобытны даже в самых недостатках своих. Точно так же, как гениальные, великие поэты выражают своими творениями *крайность* какой-нибудь *действительной* стороны искусства или жизни, – так они *гениально* выразили, один в стихах, другой в прозе, *крайность* внешнего блеска и кажущейся силы искусства, чуждой действительного содержания, а следовательно, и действительной жизненности. Отсюда проистекают эти блестящие, пестрые, узороч-

ные миражи образов, столь обольстительные для неопытных глаз, поражающихся одною внешностию; отсюда же проистекает и эта кажущаяся сила страстей и чувств, эта кажущаяся оригинальность и яркость идей и эта действительная изысканность выражения, доходящая иногда до уродливости и чудовищности. На Руси есть несколько поэтов, в произведениях которых больше чувства, души и изящества, чем в произведениях г. Бенедиктова; но эти поэты не произвели и никогда не произведут на публику и вполовину такого сильного впечатления, какое произвел г. Бенедиктов. И публика, в этом случае, совершенно права: те поэты незначительны в той сфере искусства, к которой они принадлежат: они заслоняются в ней высшими поэтами той же сферы; а г. Бенедиктов сам велик в той сфере искусства, к которой принадлежит, и потому, никому не подражая, имеет толпу подражателей. Объясним это сравнением. Китайская живопись, как все китайское, уродлива и ложна; но картина гениального китайского живописца (если только могут быть гениальные китайские живописцы) сильнее

поразит внимание зрителей, чем европейская картина обыкновенного таланта[2]. Вообще, должно заметить, что поэты, подобные Марлинскому и гг. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетического развития общества, Эстетическое чувство развивается чрез сравнение и требует образцов даже уклонения искусства от настоящего пути, образцов ложного вкуса и, разумеется, образцов отличных. Поэты, которым суждено выражать эту сторону искусства, тщетно стали бы пытаться отличиться в другой какой-нибудь стороне искусства; особенно для них недостижима целомудренная и возвышенная простота. Вот почему они держатся однажды принятого направления. И хорошо делают: будучи верны ему, они всегда будут блеснуть, всегда будут иметь свою толпу почитателей, и как теория, так и история искусства всегда будет, в нужных случаях, ссылаться на них как на авторитеты в известных вопросах науки изящного, – тогда как ни та, ни другая и знать не хочет обыкновенных талантов в сфере истинного искусства.

Стихотворения г. Бенедиктова имели осо-

бенный успех в Петербурге, успех, можно сказать, народный, – такой же, какой Пушкин имел в России: разница только в продолжительности, но не в силе. И это очень легко объясняется тем, что поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы, или истории, или народа, – а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их, с их любовью и любезностью, с их балами и светскостью, с их чувствами и понятиями, – словом, со всеми их особенностями, и выразила простодушно-восторженно, без всякой иронии, без всякой скрытой мысли. Сколько юных чиновников и теперь еще помнит наизусть, например, это стихотворение «Напоминание»:

*Нина, помнишь ли мгновенья,
Как певец усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой,
В шумной зале и в гостиной
Взор твой девственно невинной
Взором огненным ловил, —
Иль мечтательно к окошку
Прислонясь, летунью-ножку
Тайной думою следил,*

Иль, влеком мечтою сладкой
В шуме общества, украдкой,
Вслед за Ниною своей
От людей бежал к безлюдью
С переполненной грудью,
С острым пламенем речей;
Как вносил я в вихрь круженья
Пред завистливой толпой
Стан твой, полный оболъщенья,
На ладони огневой,
И рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой
Дивной талии твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Океаном мне являлась
Негой зыблемая грудь, —
И на этом океане,
В пене млечной белизны,
Через дымку, как в тумане,
Рисовались две волны? —
То угрюм, то бурно весел,
Я стоял у пышных кресел,
Где покоилась ты,
И прерывистою речью,
К твоему склонясь заплечью,
Проливал мои мечты:

*Ты внимала мне приветно,
А шалун главы твоей —
Русый локон незаметно
По щеке скользил моей...*

*Нина, помнишь те мгновенья, —
Или времени поток
В море хладного забвенья
Все заветное увлек?*

Вряд ли кто не согласится, что эта Нина совершенно бесцветное лицо, настоящая чиновница, и что во всем этом воспоминании поэта нет ничего, веющего музыкой души и чувства... Но эта бессердечность, этот холодный блеск, при изысканности и неточности выражения, кажется истинною поэзией «львам» и «львицам» средней руки...

Как человек с дарованием, г. Бенедиктов не лишен ни вдохновения, ни чувства, ни фантазии; но его вдохновение, чувство и фантазия лишены действительной почвы, которая давала бы им жизненное питание; оттого они натянуты, неестественны и приводят читателя в какое-то напряженное состояние, как при тяжелой работе. Впрочем, местами, хотя и редко, у г. Бенедиктова проблескивают

истинно поэтические образы, проглядывает чувство искреннее и задушевное, как, например, в этих прекрасных стихах;

*Я помню приволье широких дуб-
рав;
Я помню край дикий. Там, в годы
забав,
Невинной беспечности полный,
Я видел – синелась, шумела вода,
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны да волны.*

*Я отроком часто на бреге стоял,
Без мысли, но с чувством на влагу
взирал,
И всплески мне ноги лобзали.
В дали бесконечной виднелись ле-
са; —
Туда мне хотелось: у них небеса
На самых вершинах лежали...[3]*

Комментарии

Спор был начат статьей Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (см. наст. изд., т. 1), написанной в самый разгар успеха Бенедиктова-поэта. Белинский выступил с резкой критикой поэзии Бенедиктова и ее «фальшивого блеска». Статья Белинского имела огромное влияние на русских читателей, не прошла она бесследно и для самого Бенедиктова (см. об этом: С. В. Рассадин. Неудачник Бенедиктов. – «Вопросы литературы», 1976, № 10, с. 152).

В наст. рецензии Белинский во многом уточняет свои предшествующие оценки творчества Бенедиктова. По-прежнему не относя его к «высшим поэтам», критик все же дает, по замечанию одного из исследователей, «по-своему очень высокую оценку поэта» (Л. Я. Гинзбург. Из литературной истории Бенедиктова. Белинский и Бенедиктов. – В кн.: «Поэтика. Сборник статей», И. Л., Academia, 1927, с. 92). Но, признавая «дарование» Бенедиктова, Белинский подчеркивает, что его поэзия «чужда действительного содержания», «дей-

ствительной жизненности». Не без иронии отмечает критик, что Бенедиктов вместе с Марлинским «гениально (курсив Белинского. – Г. Е.) выразили, один в стихах, другой в прозе, крайность внешнего блеска».

[^^^]

См. примеч. 6 к статье («Стихотворения Полежаева»).

[^^^]

3

Отрывок из стихотворения «Озеро».

[^^^]